

На правах рукописи

ЯНДАРАЕВА Инна Сергеевна

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВООБРАЖАЕМЫХ СООБЩЕСТВ
В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск – 2012

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Геннадий Михайлович Тихонов

кандидат философских наук, доцент
Алексей Владимирович Яркеев

Ведущая организация: ГБОУ ВПО «Ижевская государственная
медицинская академия»

Защита состоится «28» марта 2012 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета на заседании диссертационного совета Д 212.275.08
в ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу:
426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, д.1, корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

О.В. Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Геополитические трансформации, начавшиеся в 20-ом веке, обуславливают распад концепта всеобщей истории, в результате чего современность представляется через понятие «текучности» (З. Бауман), а идентичность оказывается под угрозой полного исчезновения, будучи представленной в терминах «слабости» или «неопределенности» (А. Мегилл). Принцип социальной целостности отождествляется с тоталитаризмом единственной объективной истины и отвергается. В разнообразии исторических интерпретаций ставится под сомнение идеал истины и логической рациональности исторического процесса.

Изменяется отношение исследователей к принципу объективности социальной реальности. Их не удовлетворяет то, что объективация социальной реальности на пределе задает ее как вещь, исключая субъективность. Следствием разрыва субъективности и объективности оказываются утрата целостности социального и исключение субъекта из структур общества как исследуемого объекта, его превращение в трансцендентного наблюдателя. Элиминация субъекта и субъективности приводит к обесмысливанию социальной реальности и полному распадению связей между автономизированными и «атомизированными» индивидами как ее элементами. Ее познание становится невозможным. Возникает кризис социальных исследований как постмодернистский тезис о «конце социального» (Ж. Бодрийяр).

Проявлением не-хватки социальной субъективности становится неопределенная, «плавающая» идентичность как общества в целом, так и индивидов. Целостность и идентичность остаются в прошлом, в истории. Проблемы истории становятся центральными для гуманитарного знания. Д. Лоуэнталь выражает эту позицию положением о том, что «прошлое - повсюду»¹. Исторический дискурс, ориентированный на прошлое, неизбежно отсылает к памяти. «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти»², - так прокомментировал П. Нора поворот к прошлому, где ведутся поиски истоков социальной целостности в виде утраченной идентичности. Эмансипация различных социальных групп и поиски ими собственной идентичности в 20-ом веке приводят к мысли о том, что в наше время память становится вопросом жизни и смерти (З. Бауман). Именно разрушение памяти о собственном прошлом объясняет исчезновение сообществ, а вовсе не их физическое уничтожение. Важность исследования идентичности обосновывает обращение к проблемам прошлого и памяти как факторам, укрепляющим представление сообщества о самом себе.

С одной стороны, прошлое, как то, что прошло, завершено, больше не может изменяться. В этом отношении оно может представлять как устойчивость, объективность. С другой стороны, прошлое, как то, чего уже

¹ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. - СПб.: Владимир Даль, 2004. – С. 11.

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. - № 2-3. - С. 202.

нет, не может существовать в качестве внешней объективной данности вещи. Его бытие оказывается возможным только в структурах субъективности, памяти о былом. Исследовательские интересы смещаются с изучения истории как объективной данности к изучению социальной памяти как феномена, который позволяет обратить внимание на индивидуальное и обозначить присутствие самого историка в структуре исторического дискурса. Возвращение субъекта и субъективности указывает на возможность восстановления целостности поля социального в структурах памяти. Обретение идентичности как условия социальной целостности достижимо исключительно в структурах воображаемого.

Актуальным представляется выявить дискурсивные основания, а также рассмотреть конструирование памяти и идентичности в поле воображаемого сообщества. Достижение этого возможно при использовании герменевтического подхода к анализу социального дискурса, что позволит включить в конструирование объекта пространства социального точку зрения самого исследователя, обеспечив присутствие субъективности в поле исследования. Осознание субъективности исследования вернет социальной реальности смысл, утраченный в погоне за объективным отображением действительности, что будет способствовать восстановлению целостности социального, обретению социальной идентичности.

Степень разработанности проблемы. Изучение социальной памяти характеризуется многообразием методологических подходов, каждый из которых претендует на установление социального в структурах памяти. К теме памяти обращались еще великие философы античности – Аристотель, Платон. Прошлое представлялось ими либо как вещь, отсутствующая в настоящем, либо как отпечаток-след, вследствие чего память экстериоризировалась и объективировалась. Эти положения во многом предопределили направления философских исследований социальной памяти - от античности вплоть до современности.

С 19-го века понятие «память» становится категорией психологии и разрабатывается, в частности, в работах А. Бергсона, где осмысливается как свойство индивидуальной психики. Позднее, в трудах З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Эриксона, К. Юнга не только подчеркивается свойство индивидуальной памяти закреплять стереотипы на уровне бессознательного и вводится представление о коллективном бессознательном, но и проясняется связь между индивидуальной памятью и идентичностью индивида. С точки зрения социальной психологии, в которой социальная память объясняется через индивидуальные качества индивида (например, способность к подражанию), память представлена в работах П.П. Блонского, В.А. Колеватова, Н.В. Кулагиной, а также зарубежных исследователей Х. Вельцера, Г. Тарда и др.

В рамках социологического подхода к исследованию социальной памяти предпринималась попытка сконструировать целостное поле социального, благодаря введению в дискурс таких понятий, как: «коллективные верования» (Э. Дюркгейм), «социальные рамки памяти» и

«коллективная память» (М. Хальбвакс). Философский анализ идей М. Хальбвакса представлен в работах социолога А.Т. Бикбова. Большинство современных социологических исследований социальной памяти ограничиваются микроисследованиями. Этот подход разрабатывается такими авторами, как: М.А. Бойцов, Б.Е. Винер, П.К. Варнавский, Л.Д. Гудков, Г.Н. Грезин, Ю.Н. Давыдов, В.В. Зибен, Е. Иванова, Г.С. Кнабе, И.И. Нарский, В.С. Полянский, А.А. Порк, Е.Ю. Рождественская, Ж.Т. Тощенко.

В современных культурологических исследованиях Я. Ассмана и А. Ассман вводится понятие «культурной памяти». Концепт культурной памяти подразумевает объективацию потока социальной памяти в пространственных структурах. В рамках культурологического подхода к теме социальной памяти работают исследователи П. Берк, Т. Джадт, Ф. Йейтс («театр памяти»), П. Нора («места памяти»), Э. Франсуа, П. Хаттон, Ф.Б. Шенк, Д. Янг («контр-памятники»).

Одновременно в культурологических исследованиях социальной памяти утверждаются идеи конструктивизма, которые подчеркивают постоянный процесс интерпретации и ре-интерпретации объективированных «мест памяти». Общие идеи конструктивизма разрабатываются в трудах П. Бергера, Ф. Варелы, У. Матураны, Т. Лукмана, Н. Лумана.

Идеи означающего и означаемого в изучении социальной памяти заимствуются из научного дискурса лингвистики, представленного работами Ф. де Соссюра. Соотношение образа и слова в памяти изучается в работах отечественных авторов Н.Г. Брагиной, Б.М. Гаспарова, О.Г. Ревзиной, которые отмечают динамичный характер этого соотношения и подчеркивают значение дискурсивного аспекта.

Фрагментарность социальной реальности и разрушение научных идеалов предзаданности статичного объекта как такового демонстрируют современные работы таких зарубежных авторов, как: З. Бауман, Ж. Бодрийяр, В. Вельш, В. Вжозек, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, Ж.Ф. Лиотар, М. Фуко и др., а также исследования отечественных авторов: Н.С. Автономовой, В.П. Визгина, Б.Е. Винера, И.П. Ильина, И.Н. Ионова, Г.К. Косикова, Е.А. Кроткова, Д.К. Манохина, Л.П. Репиной.

Проблему дискурсивного основания социальной реальности и нарративных структур в истории исследовали Ф. Артог, М. Блок, П. Вен, А. Данто, Р. Козеллек, Б. Кроче, Э. Ле Руа Ладюри, Д. Лоуэнталь, А. Мегилл, Й. Рюзен, О. Г. Эксле, а также российские авторы: О.В. Гавришина, Г.И. Зверева, Н.Е. Копосов, М.А. Кукарцева, Е.Г. Трубина, П.Ю. Уваров, Д.Р. Хапаева. Нарративные структуры истории позволяют представить историю-память как поток дискурсивности.

Тема сообществ и идентичности освещается в исследованиях Б. Андерсона, Э. Балибара, З. Баумана, У. Бека, Т. Веблена, Э. Гидденса, Г. Люббе, Ж.-Л. Нанси, Э. Эриксона, а также российских авторов: С. В. Кардинской, В. С. Малахова и В. А. Тишкова. Кризис идентичности в современном мире обозначили З. Бауман, Ж. Бодрийяр, А. Мегилл, Э.

Эриксон. Представление сообщества в структурах воображаемого предпринимается в трудах Б. Андерсона, Э. Балибара, К. Касториадиса. Статьи В. Фурса предлагают философский анализ воображаемого установления общества в трудах К. Касториадиса. О значении социологического воображения в структурировании поля социального знания пишет Ч. Миллс. Французский философ Ж.-Л. Нанси рассматривает бытие как неопределенный поток социальной субъективности.

Попытки философского осмысления социальной памяти предпринимаются такими зарубежными авторами, как: Ф. Анкерсмит, П. Рикёр, Х. Уайт, а также российскими авторами: Д. А. Аникиным, О. Т. Лойко, И. А. Ромашенко, И. Ю. Соломиной, Н. А. Терещенко, В. Б. Устьянцевым и др.

Степень разработанности проблемы показывает необходимость обращения к герменевтическому подходу и методу субъект-объектного тождества с целью представления социальной реальности как целостной самоопределяющейся субъективности, имеющей смысл и существующей в пространстве воображаемого, структурированного дискурсами социальной памяти.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является социальная реальность как воображаемое сообщество, а его предметом - конструирование поля субъективности в дискурсах социальной памяти.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы – представить социальную реальность как воображаемое сообщество, конструируемое в дискурсах социальной памяти. Для достижения этой цели необходимо решение следующих задач:

- установить пределы объективации и субъективации дискурсов коллективной и индивидуальной памяти в поле социального;
- выявить способы субстанциализации социальной связи в структурах памяти;
- раскрыть организацию дискурса памяти в структурах социального порядка;
- выявить структуры воображаемого в дискурсе социальной памяти;
- определить историческую субъективность в структурах памяти;
- обнаружить точку субъекта конструирования социальной памяти в поле самоопределяющейся субъективности.

Теоретико-методологические основания исследования. В диссертационном исследовании социальная реальность рассматривается как реальность, конституированная в структурах дискурсивности. Социальная память, или социальная субъективность, само-предъявляется в структурах языка через точку субъекта, рефлексирующего по поводу собственной идентичности. Рефлексивная позиция субъекта определяет поток социальной субъективности как память и конституирует воображаемую целостность сообщества. Воображаемая целостность сообщества подразумевает целостность социального смысла, неразложимого на части. Целостный

подход к конституированию социальной реальности обуславливает обращение к герменевтическим основаниям и методу субъект-объектного тождества.

Метод субъект-объектного тождества Й.Ф.В. Шеллинга позволяет рассматривать социальную реальность в качестве конструированной системы социального знания или социальной памяти, в языковых структурах которой происходит самоопределение мыслящей субъективности. Основные положения диссертационной работы опираются на труды М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера, в которых бытие понимается как со-бытие смысла в тождестве с языком и мышлением. Дальнейшая разработка этих идей представлена в работах Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, О.Н. Бушмакиной. Развиваемое Ж.-Л. Нанси понимание бытия как со-бытия позволяет рассматривать социальную память в качестве непрерывного и неопределенного потока социальной субъективности. П. Рикёр выявил дискурсивные механизмы существования социальной памяти, а также представил историю как память или дискурсивную практику, в которой субъект обнаруживает смысл посредством саморефлексии языковых структур.

Необходимость критического осмысления объективированного дискурса социальной памяти и установления пределов как индивидуального, так и коллективного дискурсов памяти потребовала обращения к работам философов постмодернизма Ж. Бодрийяра, М. Фуко и др., а также к работам российских авторов - Г.И. Зверевой и Л.П. Репиной. Благодаря изучению работ Ф. Анкерсмита, А. Ассман, А. Данто, Б. Кроче, Х. Уайта, а также Н. Е. Копосова и М.А. Кукарцевой были обозначены нарративные структуры, в которых социальная память конституируется и обретает связность, а также была осмыслена точка зрения историка как субъекта конструирования социальной памяти в поле самоопределяющейся субъективности.

Поскольку в данной работе социальная память рассматривается в качестве само-предъявляющейся в точке субъекта системы знания, постольку большое внимание было уделено изучению работ философов, которые ввели в научный дискурс представление о структурах воображаемого. Понятие «воображаемое» позволяет выявить недостатки эссенциалистского способа мышления и развивать конструктивистский подход к изучению социальной реальности. К понятиям «воображаемое» и «социальное воображение» обращались в своих работах исследователи Б. Андерсон, Э. Балибар, К. Касториадис, Ч. Миллс.

Проблема нехватки идентичности обусловила обращение к структурам прошлого, в которых осуществляется процесс дискурсивного конструирования идентичности сообщества. Конструирование воображаемой социальной целостности в структурах памяти исследуется в работах Я. Ассмана, З. Баумана, А. Мегилла, Ж.-Л. Нанси.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

- установлено, что пределом субъективации дискурса индивидуальной памяти является ее субстанциализация в психологизаторском дискурсе подражания, а пределом объективации дискурса коллективной памяти – социологизаторский дискурс принуждения, где складывается понимание автономного неидентифицируемого индивида как пустого «место»-положения коллективных представлений, а социальная память оказывается ментальной географией, в рамках которой организуется ландшафт социальной реальности;
- выявлено, что субстанциализация социальной связи в конструктах индивидуальной памяти осуществляется в мнемотехниках как структурах «внутреннего письма», или универсального языка, манифестированного в «театре памяти» воображаемого единства микро- и макрокосмоса, а ее эссенциализация в социальной памяти конституируется в структурах «внешнего письма» истории-памяти как архива, опространствованного в национальном ландшафте «мест» памяти;
- раскрыто, что социальная память организуется в структурах лингвистической рациональности порядков дискурса социальной реальности в множественных контаминациях языкового концепта, конкретизирующегося в ландшафте коммуникативной среды как в поле языковой памяти, где историческая память манифестируется во множестве связанных исторических повествований, поливариативно предъявляющих смыслы конструированного прошлого как настоящего «текущей современности»;
- представлено, что общество как целое самополагается в поле воображаемого сообщества как бытия-в-месте, которое самоконструируется и самоидентифицируется в потоке самоопределяющейся субъективности через точку самоопределяющегося со-бытия, раскрывающегося в интерпретациях смысла воображаемого прошлого, существующего в структурах общей памяти;
- определено, что историческая субъективность самоконструируется как дискурсивное пространство воображаемой истории в структурах «мы-памяти», где прошлое актуализируется через позицию рассказчика, задающего его смысловую связность между тем, что «уже-было» и тем, «чего-еще-нет», открывая многомерность поля интерпретаций дискурсивной конфигуративности бытия воображаемого сообщества;
- обнаружено, что субъект конструирования социальной памяти, обеспечивая связность ре-актуализирующейся традиции, полагающейся «между» прошлым и будущим, самоопределяется в потоке перформативной повествовательной идентичности воображаемого сообщества через рефлексию конфигурации и рефигурации воображаемых связей пространства воображаемой истории в точке «место»-имения.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что конструирование воображаемого сообщества в структурах социальной памяти в герменевтическом подходе позволяет сохранить смысл

социальной целостности и интерпретировать его в структурах индивидуальной и социальной идентичности. Использование результатов исследования может быть полезным при разработке ряда тем по современной социальной философии и при подготовке спецкурсов по проблемам социальной памяти и идентичности.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах кафедры философии УдГУ, излагались в выступлениях на 1 Всероссийской научно-практической конференции «Социальная онтология в структурах теоретического знания» (Ижевск, 2009), X Международном симпозиуме «Диалог мировоззрений: коллективная социально-историческая память и вызовы современности» (Нижний Новгород, 2009), 3 Всероссийской научной-практической конференции "Человек и мир: социальные миры изменяющейся России" (Ижевск, 2010), III Всероссийской научно-практической конференции «Социальная онтология в структурах теоретического знания» (Ижевск, 2011) и были опубликованы в ряде сборников статей конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен 135 с. основного текста и 25 с. библиографического списка, включающего 289 наименований источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности в отечественной и зарубежной литературе, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются исходные методологические установки, научная новизна и научно-практическая значимость работы.

В первой главе «Объективация социальной реальности в структурах памяти» определяются пределы дискурсов индивидуальной и коллективной памяти, в которых социальная память субстанциализируется и эссенциализируется.

В первом параграфе первой главы «Соотношение дискурсов индивидуальной и коллективной памяти в поле социального» рассматриваются пределы субъективации и объективации дискурсов социальной памяти, представленной в исследовательской традиции либо в качестве индивидуальной характеристики (субъективация) либо в качестве коллективной сущности (объективация).

Дискурсы индивидуальной и коллективной памяти включены в исследовательскую традицию, рассматривающую социальную реальность через соотношение целого и его частей. Понимание целого как состоящего из совокупности отдельных фрагментов предполагает дискуссию о том, что является конечным основанием социальной реальности. В основание поля социального закладывается либо индивидуальная, либо коллективная память.

Дискурс коллективной памяти предлагает рассматривать общество в качестве целого, являющегося источником социальной памяти и структурирующего память отдельных индивидов. Дискурс индивидуальной памяти указывает на индивида как источника социальности и, следовательно, социальной памяти. Развертывание обеих точек зрения представлено в работах французских исследователей Э. Дюркгейма и Г. Тарда.

Работы Э. Дюркгейма предлагают изучать общество как объективно данную сущность и рассматривать социальные явления в качестве «вещей». Данный подход делает возможным выстраивание объективной картины социальной реальности, благодаря чему само общество задается как вещь и становится объектом научного познания. Установление рамок, ограничивающих поле исследования социального, задает пределы и возможности его изучения, а также предопределяет результаты самого исследования. Существование объекта, сконструированного в рамках исследования, воспринимается в качестве самоочевидной данности. В основание поля исследования социального, которое теперь совпадает с социальной реальностью, закладывается вера в существование общества. Наличие общества аксиоматизируется, а коллективные представления, или коллективная память, эссенциализируются и субстанциализируются.

С данной точки зрения индивид становится социальным существом, то есть приобщается к целому, только при условии усвоения коллективных представлений или приобщения к багажу объективно данных коллективных воспоминаний. Интериоризация внешнего становится условием существования индивида. Источник коллективных представлений или коллективной памяти не рефлексивируется, вера в их объективное происхождение трансцендирует субъекта памяти за пределы выстроенной модели познания. В связи с этим приобщение к общему целому, выстраивание связи между объектом и субъектом пространства социального может происходить только за счет принуждения индивида к определенным образцам поведения. Общая память помещается внутрь индивида на основе принуждения каждого помнить об одном и том же. Исследователь исключает самого себя из поля исследования социального, дискурс коллективной памяти представляется полностью объективированным и лишенным смысла.

В работах Г. Тарда целостность общества складывается из автономных частей, содержащих в себе социальность. Общество образуется суммой индивидов, социальность каждого из которых объясняется эволюционным переходом от биологического к социальному. Индивидам приписывается целостность, что подразумевает наличие индивидуальной памяти как единственного источника социальной памяти. Часть обладает значением целого, отсюда следует крайняя субъективизация процесса конструирования поля социального. Согласно этой точке зрения, социальная память может содержать в себе только то, что отложилось в памяти отдельных индивидов.

Для объяснения гомогенности социальной памяти Г. Тард вводит понятие подражания, через которое выстраивается наличие социальной

связи. Подражание обеспечивает усвоение коллективных значений и, тем самым, сводит процесс культурного конструирования прошлого к психологическим и, в конечном счете, биологическим предпосылкам. Поскольку сам субъект не осознает себя в качестве основания поля исследования, постольку его интерпретация сводится к натурализации социального и вытеснению субъективности за пределы поля исследования. Обращение к силам природы или психологическим характеристикам при объяснении социального трансцендирует смысл за пределы выстраиваемой системы и констатирует объективацию социального пространства в дискурсе индивидуальной памяти. В отличие от Г. Тарда, А. Бергсон предлагает рассматривать индивидуальное как изначально несводимое к биологическому. Индивид, существующий в символической реальности, воспринимает внешнее опосредованно через систему символов. На наличие системы символов указывает пауза восприятия, так называемый церебральный интервал. Интервал позволяет человеку осмыслить внешнюю реальность, некоторым образом возвращая субъективность в поле социального.

М. Хальбвакс, будучи последователем методологического холизма школы Э. Дюркгейма, продолжает традицию объективации социальной памяти. Социальная память концептуализируется в пространственных структурах рамок и ментальной географии. Понятие рамок позволяет М. Хальбваксу приблизиться к пониманию конструированного характера социальной памяти. «Социальные рамки» удерживают объект исследования в фокусе исследователя и одновременно выражают его пред-понятия по поводу социального. Однако недостаток рефлексивности не позволяет исследователю обозначить собственное место в потоке традиции. Вследствие этого, опространствливание памяти задает структуру мышления в виде «мест памяти». Субъективность исчезает из пространства социального, приобретающего постоянные очертания «ландшафта памяти».

Пределы субъективации и объективации дискурсов индивидуальной и коллективной памяти выявляют их ограниченность, которая обозначается через потерю смысла, или исключение субъективности из поля исследования. Объективация социальной памяти основывается на принципе принуждения (внешней связи), субъективация социальной памяти выражается в принципе подражания (внутренней связи). Обесмысливание пространства социального обуславливает обращение данного исследования к герменевтическому подходу, благодаря которому удастся установить целостность социальной реальности на основании субъектно-объектного тождества.

Во втором параграфе первой главы «Субстанциализация социальной связи в структурах памяти» раскрываются способы субстанциализации памяти как социальной связи. Подход, ориентированный на представление бытия как объекта, состоящего из взаимосвязанных частей, имплицитно подразумевает разрыв между объектом и субъектом познания. В данном случае социальная реальность представлена в виде герметичного

непрозрачного объекта, на который направлен взгляд трансцендентного субъекта. Поскольку возникает необходимость построения единой познавательной системы, постольку в модель социального вводится третий элемент, а именно понятие социальной связи. Социальная связь заполняет пустоту разрыва и устанавливает отношение между объектом и субъектом, при этом сама связь представляется в виде объективно данной субстанции.

Память рассматривается многими исследователями как некий третий элемент, который осуществляет связь объекта и субъекта между собой. Так, в дискурсе коллективной памяти память должна приобщить индивида к универсальным социальным значениям, которые трансцендируются за пределы субъекта и полагаются в качестве эссенциализированных сущностей в поле объекта. Социальная память представляется в виде самостоятельной субстанции, которая в процессе принудительной социализации усваивается каждым отдельным индивидом и отныне воспринимается им как собственная идентичность. Отсюда возникает понимание памяти как «внутреннего письма» или некой субъективной характеристики. Однако данная идентичность разделяется всеми остальными индивидами как тотальная универсальность. Субъективность оказывается лишь зеркальным отражением внешней реальности, или так называемого «театра памяти», который создается воображением субъекта и в отсутствие рефлексии выступает копией мироздания, т.е. уменьшенным до игрушечного размера космосом.

Интерпретация памяти как «внутреннего письма» позволяет рассматривать ее в качестве способа фиксации и интериоризации внешних воспоминаний, существование которых полагается в границах поля социального. В связи с этим возникают метафоры опространствливания структур памяти, воспоминания представляются в качестве объективированных данностей или отпечатков «внешнего письма». В пространстве «театра памяти» воспоминания приписываются к определенным местам («отпечаткам» прошлого) и представляют собой структурную копию внешней реальности. Коллективная память мыслится как объективная структура, которая обуславливает и упорядочивает мышление индивида.

Концепция П. Нора основывается на метафоре «мест памяти», в которой объективация памяти достигает своего предела. В эпоху распада социальных рамок «театр памяти», представляющий собой законченную картину мира, заменяется бесконечным архивированием «мест памяти», которое подчеркивает хрупкость границ объекта и порождает чувство неуверенности индивида в собственной идентичности. Принуждение, которое в прошлом индивид должен был испытывать извне, трансформируется во внутреннее принуждение и превращается в навязчивую потребность помнить или вспомнить свою сущность. Растворение социальных рамок обнаруживает пустоту индивидуального сознания и одновременно возлагает на индивида ответственность по заполнению внутренней пустоты. Для достижения этого индивид обращается к

артефактам внешней реальности как доказательству наличия прошлого, о котором следует помнить (воспоминание как след). При этом описание памятников, или «мест памяти», разрастается до бесконечности и оборачивается не исследованием как таковым, а подтверждением традиционной картины мира самого исследователя. В теории «мест памяти» П. Нора дискурсивная традиция предопределяет содержание исследования, а понимание памятника как подведения черты под интерпретацией исторического прошлого представляет собой крайнюю степень объективации социальной связи.

В третьем параграфе первой главы «Память в структурах социального порядка» рассматривается принцип лингвистической рациональности, на основании которой структурируется поле социального. В классических работах Э. Дюркгейма и Г. Тарда закладывается традиция, согласно которой социальный порядок представляется как социальное явление или факт, тогда как З. Бауман предлагает относиться к социальному порядку как явлению социетальному, то есть сконструированному в дискурсивных структурах той или иной социальной реальности.

В традиционном понимании рациональность как основание социального порядка базируется на принципах принуждения или подражания и вносит в поле социального представление о контроле, эволюции и прогрессе. Социальное оказывается продуктом сознательного культивирования, а память фиксирует образцы нормативного поведения и является резервуаром для накопления культурных ценностей. Объективированная память удостоверяет нас в существовании инвариантной картины прошлого. Устойчивые метафоры и грамматическая структура языка свидетельствуют об окончательной завершенности и неизменности прошлого. Социальная реальность разворачивается как последовательное, рациональное и логическое повествование, в основу которого полагается убежденность в истинности и универсальности данного порядка. Отклонение от курса истины рассматривается как ошибка, нарушающая правила рациональности и подлежащая коррекции, или даже как злой умысел, фальсификация.

Однако постсовременные исследования требуют пересмотреть позитивистский взгляд на язык как систему, которую можно упорядочить и полностью описать корпусом правил. Это требование подразумевает отказ от универсальной истины и признание пластичности и подвижности языка, который актуализируется в бесконечности возможных вариантов употребления. Распространение данного представления о языке совпадает с констатацией распада жесткой упорядоченности социальной реальности. Социальное начинает восприниматься через метафору текучести, что ставит под вопрос определенность идентичности как сообщества, так и отдельного индивида. Одновременно с этим прошлое и память о прошлом как «прошлое-в-настоящем» приобретают подвижность, что позволяет различным интерпретациям прошлого появляться и существовать на равноправных

условиях. Все эти изменения обращают внимание исследователей на лингвистическое основание рациональности, формирующей структуры социального порядка, и предлагают рассматривать идентичность как проблему лингвистического существования.

Обращение к языку позволяет взглянуть на память как дискурсивную структуру «прошлого-в-настоящем», а основание социального порядка рассматривать через структуры дискурса. Рациональность социальной реальности представляет собой нарративную рациональность, которая обладает исключительно языковым существованием. Структура повествования вносит последовательность и логическую связность в память о прошлом, однако непрерывная конфигурация языковых элементов позволяет выстраивать повествование разнообразными способами. Это объясняет возникновение множества интерпретаций прошлого и подразумевает воображаемую природу как социальной реальности, так и социальной идентичности.

Во второй главе «Субъективация социального в структурах воображаемого» предлагается рассматривать общество как целое, которое само-конституируется в поле воображаемого прошлого, само-предъявляясь в точке субъекта истории, задающего целостность смысла социального и многомерность поля интерпретаций дискурсивной конфигуративности бытия воображаемого сообщества.

В первом параграфе второй главы «Структуры воображаемого в дискурсе социальной памяти» раскрывается принцип воображаемого установления социальной реальности в дискурсе социальной памяти. Обращение к структурам воображаемого обусловлено не-хваткой субъективности в поле исследования социального пространства, свойственной классическим работам по социологии и философии. Подход к изучению социального, характеризующий его либо в качестве общей субстанции, либо в качестве собрания индивидов, устанавливает пределы дискурса и приводит к обесмысливанию пространства социального. Разрыв между субъектом и объектом обуславливает введение в социальную систему логики рациональной функциональности. Редукция социального до той или иной функции натурализует социальные явления и обосновывает универсальные законы социального так-бытия. Трансцендентный взгляд субъекта направлен на статичный в своей предзаданности объект и наполнен шаблонными образами. Бытие оказывается предопределенным так-бытием. История рассматривается как то, что уже было, вместо того, чтобы взглянуть на историю с точки зрения настоящего – как на то, чему только предстоит возникнуть.

В структурах воображаемого бытие предстает в своей динамичности и подвижности. Поскольку поле социального структурируется в зависимости от конкретно-исторических условий неограниченным множеством способов, выделение универсальных законов социального развития не представляется осмысленным. Бытие понимается как неопределенное со-бытие или

бесконечный поток субъективности, что подчеркивает временное значение существования и позволяет интерпретировать бытие как время. Категория времени отсылает к истории, которая раскрывается как опространствованное со-бытие, то есть объективированная субъективность. Поскольку в историческом воображении место-имению «мы» приписываются определенные свойства и определенное положение во временном пространстве, постольку поток субъективности обретает некоторые границы и само-предъявляется как сообщество с его историей. Сообщество обретает свою целостность благодаря конструированию общей версии прошлого в структурах воображаемого. Дискурс истории и дискурс социальной памяти пересекаются в точке со-бытия, задавая социальное в его определенности. История может рассматриваться как воображаемая память сообщества о самом себе, которая отсылает не к внешним референтам, а исключительно к структурам мышления и языка.

Социальная целостность достигается благодаря включению субъекта в поле социального, когда субъект осознает свою укорененность в историческом дискурсе. Осмысленный взгляд субъекта возможен только с определенной точки зрения или позиции, которая располагается внутри дискурса. Сообщество конструируется в дискурсивных структурах мышления, тогда история является не результатом общественного развития, но процессом само-конституирования социального субъекта. Память сообщества конструируется в настоящем времени в точке субъекта, без осмысления со стороны которого целостность социальной реальности распадается на статичные фрагменты.

Отказ от реально-рациональной логики приводит к выводу о воображаемом установлении социального. Дискурс повествования общества о самом себе, который представляет собой история, осуществляется в языковых структурах мышления. Рассказ сообщества о собственном прошлом определяет его существование в точке исследователя, провозглашающего «мы - есть» и «мы были всегда». В дискурсе истории конституируется и манифестируется пространство воображаемого сообщества, самоидентифицирующегося в нарративных структурах. Бытие предъявляется не столько объективированным так-бытием, сколько со-бытием, непрерывно длящимся и производящим сообщество в его воображаемой целостности. Основания социальной памяти, в которой самоконституируется и самоидентифицируется сообщество, обнаруживаются в структурах воображаемого.

Во втором параграфе второй главы «Историческая субъективность в пространстве памяти» указывается на то, что в современном историческом дискурсе происходит смещение исследовательского интереса с непосредственных событий прошлого на способы организации знания о прошлом. Вместо изучения прошлого «как оно было на самом деле» историки все чаще обращаются к тому, как прошлое предъявляется в структурах дискурса.

Поскольку объективно-научная мыслительная традиция трансцендировала субъекта за пределы сконструированной системы, объективистский подход к истории представлял социальную реальность в виде объекта с жесткими границами. Многообразие историй или повествовательных сюжетов сжималось в линейную структуру всеобщей истории, единый мета-нарратив эссенциализировался. Прошлое представлялось законченным и закрытым для интерпретаций, причинно-следственные связи реифицировались. Напротив, постсовременные исследования выявляют фрагментарность исторического прошлого и утверждают тезис о «дисконтинуитете» истории с ее разрывами и потерей связности.

Установление социальной целостности требует обращения к нарративным структурам исторического повествования, где утверждается значение языка и воображения в конструировании прошлого. Фрагментарные воспоминания вписываются в целостное повествование благодаря наложению единой сюжетной линии, состоящей из обязательных элементов - завязки, кульминации, развязки. Отдельные фрагменты рассказа не просто выстраиваются в определенном порядке, но осмысляются в нарративных структурах как единое целое. Сам рассказ возникает только в процессе конструирования, поэтому не существует отдельных воспоминаний или памяти о прошлом, которые возникли бы до того, как были рассказаны. Поскольку факты прошлого невозможно верифицировать, постольку они обретают свое существование только в повествовании. Истинность высказывания о прошлом будет обусловлена временем его произнесения, а историю можно осмыслить и рассказать по-разному, чем объясняется многообразие исторических дискурсов. Данное утверждение смещает фокус исследования с повествования о прошлом на фигуру повествователя и возвращает субъективность как сюжетность (фр. *sujet* – субъект) в дискурс памяти.

Осознание несовершенства объективистского подхода к историческому исследованию позволяет отказаться от идеала историка-архивиста, безучастно регистрирующего события внешней реальности. Образ «великого хрониста» оборачивается пустым «местом», через которое самопредъявляются объективированные представления о прошлом. Рефлексия языковых структур, в которых разворачивается историческое повествование, позволяет осознать погруженность историка в дискурс. Включение субъекта в поле социального знания подразумевает саморефлексию им своего «место»-полагания в потоке социальной субъективности.

Поскольку историк включен в конкретную историографическую традицию, постольку он видит воображаемое прошлое через понятия и мыслительные конструкции, закрепившиеся в нарративных структурах данной традиции. Обнаружив свою укорененность в том или ином научном дискурсе, в процессе наррации историк конструирует воображаемую историю как воображаемую память о прошлом. Осмысленное бытие истории

возможно только при условии, что историк рефлексивует себя как субъекта повествования. Повествование конституирует социальную реальность, организуя знание о прошлом определенным способом, т.е. конструируя дискурс социальной памяти. Через точку зрения историка как субъекта исследования осуществляется проговаривание дискурса, благодаря чему прошлое остается открытым для интерпретаций и его конструирование всегда осуществляется в проговариваемом настоящем.

В третьем параграфе второй главы «Субъект конструирования социальной памяти в поле самоопределяющейся субъективности» предлагается обосновать такое соотношение между индивидуальным и коллективным в понимании памяти как истории, которое позволит отказаться от противопоставления субъекта и объекта и установить целостность социальной реальности.

Как дискурс коллективной памяти, так и дискурс индивидуальной памяти обнаружили на пределе отсутствие смысла, поэтому следует отойти от традиции противопоставления и сконструировать точку пересечения индивидуального и коллективного в дискурсе социальной памяти. Для достижения этого проблема памяти смещается с вопроса о содержании к теме атрибуции памяти. Сообщества, общее прошлое которых полагается в структурах воображаемого, не обладают памятью, но создают память о самих себе, то есть понятие социальной памяти необходимо рассматривать как метафору. Поскольку естественной коллективной идентичности не существует, постольку социальная память располагается не в «местах», а в мыслящих исторически индивидах.

История понимается как коллективный рассказ сообщества о себе, который выстраивается внутри дискурсивной традиции. Однако традиция способна существовать только в постоянном движении интерпретации, которое поддерживается благодаря рефлексивной деятельности интерпретатора, или субъекта исторического мышления. В противном случае традиция становится неотличимой от объективных законов действительности и сливается с природой. Благодаря непрерывной интерпретации обеспечивается связность ре-актуализирующейся традиции, заполняется разрыв между воображаемыми прошлым и будущим.

Хотя субъект рассматривается в его включенности в дискурсивное поле социального, тем не менее именно рефлексия собственного «место»-полагания в потоке социальной субъективности позволяет мышлению индивида обрести гибкость и способность к рефигурации связей пространства воображаемой истории. Субъект исторического мышления не столько повторяет «уже-написанное» и сказанное, сколько пере-писывает или заново конструирует историю, обретая в этом процессе собственное исследовательское «я».

Перформативное конструирование воображаемой истории неразрывно связано с осознанием своего собственного положения в пространстве дискурса, с самоопределением историка. Субъект конструирования

социальной памяти обнаруживает собственное бытие на границе поля воображаемой истории в точке «место»-имения, наполняемого смыслом в процессе конструирования воображаемого сообщества. В точке «я» исследователя происходит совпадение существования и смысла. Принадлежность исторического субъекта объекту исследования становится определяющей онтологической чертой, которая устанавливает тождество бытия и мышления.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, делаются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Яндараева И. С. Проблема объективации памяти как истории // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. 2011. № 4. Шифр Информрегистра : 0421100093\0268. Режим доступа : - <http://teoria-practica.ru/-4-2011/philosophy/yandaraeva.pdf>.
2. Яндараева И. С. Коллективные представления в структурах социальной памяти // Профессия "журналист": вызовы XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 26 нояб. 2008 г. / Мин. печати и информации УР, Союз журналистов Удмуртии, ГОУВПО "Удмурт. гос. ун-т", Фак. журналистики ; под общ. ред.: В. А. Байметова, Э. Р. Рогозина. - Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2008. - С. 159-162.
3. Яндараева И. С. Конструирование социального в структурах коллективной памяти // Человек в системе социальных и культурных взаимодействий: Сборник материалов междунар. науч.-практ. конф., Биробиджан, 21-22 ноября 2008 г.- Биробиджан: Изд-во ДВГСГА, 2008. - С. 206-208.
4. Яндараева И. С. Объективация социальной реальности в структурах памяти // Диалог мировоззрений: коллективная социально-историческая память и вызовы современности: программные и рабочие материалы X Международного симпозиума, Нижний Новгород, 27-29 мая 2009 г./ Под ред. А.В. Дахина. - Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2009. - С. 166 – 168.
5. Яндараева И. С. Структуры воображаемого в дискурсе социальной памяти // Социальная онтология в структурах теоретического знания : материалы 1 Всерос. науч.-практ. конф., 25 мая 2009 г. / О. Н. Бушмакина, О. Н. Васильев, Т. А. Власова [и др.] ; . ГОУВПО "Удмурт. гос. ун-т", Фак. социологии и философии, Каф. философии ; под общ. ред.: О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой. - Ижевск : Изд-во УдГУ, 2009. - С. 108-114.
6. Яндараева И. С. Соотношение дискурсов индивидуальной и коллективной памяти в поле социального // Социальный мир человека : материалы 3 Всерос. науч.-практ. конф. "Человек и мир: социальные миры изменяющейся России", 24-25 июня 2010 г. / М-во образования и

науки РФ, Федер. агентство по образованию, Правительство Удмурт. Респ. [и др.] ; под ред. Н. И. Леонова. - Ижевск : ERGO, 2010. - Вып. 3, ч. 1. Направления социальной психологии. - (Lingua Socialis). - С. 274-276.

7. Яндараева И. С. Проблема субъективации памяти как истории // Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции 27-28 мая 2011 г./ Под общ. ред.: О. Н. Бушмакиной, Кардинской С.В., Н. Б. Поляковой. - Ижевск : Изд-во УдГУ, 2011. - С. 83-90.

Яндараева И. С. Конструирование воображаемых сообществ в структурах социальной памяти: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И. С. Яндараева. – Ижевск, 2012. – 19 с.